

УДК 37.014.15

DOI: 10.18384/2310-6794-2015-3-27-38

Певцова Е.А.*Московский государственный областной университет***О ЮРИДИЧЕСКОМ ТОЛКОВАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ,
ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ**

Аннотация. В статье раскрываются особенности процесса юридического толкования правовых норм педагогического содержания. Автор указывает на необходимость использования в современных нормативных актах однозначных трактовок, обозначающих педагогическую деятельность, учета доктринальных концепций, раскрывающих суть педагогического взаимодействия участников образовательных отношений. Официальное юридическое толкование педагогических терминов рассматривается как особая правопедагогическая деятельность, осуществлять которую должны специально подготовленные профессионалы.

Ключевые слова: толкование права, правопедагогическая деятельность, официальное толкование нормативных актов.

Ye. Pevtsova*Moscow State Regional University***ON LEGAL INTERPRETATION OF PEDAGOGICAL STRUCTURES
USED IN NORMATIVE LEGAL ACTS**

Abstract. The article describes the features of the process of interpretation of legal structures with pedagogical content. The author argues for the need of unambiguous treatment of educational activity in modern regulations, taking into account the doctrinal concepts, revealing the essence of pedagogical interaction of the participants of educational relationships. The official interpretation of pedagogical terms is considered a special legal pedagogical activity which should be implemented by experts.

Keywords: interpretation of the law, legal pedagogical activity, official interpretation of regulations.

С самых давних времен интерпретационная деятельность юристов вызывала большой интерес в научной среде. В эпоху древности такие функции выполняли жрецы, понтифики, а затем и профессиональные юристы, чей авторитет был непререкаем, а пояснения законов, высказываемые в

устной беседе, становились прямым руководством к действию в различных юридических спорах и ситуациях. Вспомним о том, что юристы древности ассоциировали свою деятельность исключительно с процессом толкования права. «Ita in civitate nostra aut lege, id est lege, constituitur, aut est proprium ius civile, quod sine scripto in sola pru-

dentium interpretatione consistit» (D. 1. 2. 2. 12. Pomponius) / «Так и в нашем государстве [правосудие] строится или на основании права, т.е. писаного закона, или действует собственное гражданское право, которое устанавливается без записи, одним толкованием знатоков права» [18]. В словах, которые высказал известный римский юрист II века Помпоний, подчеркнута творческая роль римского толкования законов и его большое значение как источника права.

Доподлинно известно, что именно посредством толкования XII таблиц были выработаны институты эмансипации (освобождения) детей от отцовской власти, наследования по закону. На основе интерпретационной деятельности развилась большая часть институтов гражданского права, которые, пройдя сквозь столетия, оказались весьма современными и востребованными в условиях рыночной экономики стран мира.

Немалое внимание толкованию права уделяли юристы и в последующие периоды истории, в том числе в XIX–XX вв. Вспомним о том, что даже известный русско-американский социолог и культуролог П.А. Сорокин отмечал важность процесса толкования права и законов. В своих сочинениях он указывал, что «когда закон точен и ясен, тогда не возможны его различные толкования, каждый может легко определить чего хочет закон»¹.

Но был и такой период в истории права, когда толкование воспринималось как ненужное и вредное занятие, позволяющее толкователю исказить

истинное содержание закона. Так, например, известен факт о том, что в Баварии после издания Уголовного кодекса 1813 г. король запретил писать какие-либо толкования этого нормативного акта. Таким образом, руководитель государства пытался обезопасить общество от неверного пояснения норм права.

Толкованием права и законов занимались активно и в советский период отечественной истории. Так, например, П.Е. Недбайло [5] указывал, что толкование есть часть проблемы претворения в жизнь норм права, а толкование советских законов направлено на разъяснение государственной воли советского народа.

Прошли годы, и современные законы по-прежнему нуждаются в интерпретации. И вызвано это не только субъективными потребностями человека, но и многочисленными объективными факторами быстротечного течения общественной жизни людей.

Толкование права – это особая мыслительная деятельность личности, которая является необходимой для верного и единообразного понимания сущности права и его использования в реальной жизни. Традиционно в зависимости от субъектов, толкующих право, выделяют официальное и неофициальное толкование. При этом официальное толкование влечет за собой юридически значимые последствия и помогает участникам правовых отношений принять правильные решения, соответствующие воле закона.

Особую актуальность в последние годы приобрела проблема юридического толкования педагогических конструкций, которые использует за-

¹ Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор. The crisis of our age / Питирим Сорокин. М.: ИСПИ РАН, 2009.

конодатель в нормативных правовых актах [3; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 17]. Потребность в толковании педагогических конструкций обусловлена существованием неоднозначных подходов ученых к правопедагогической деятельности. К настоящему времени не вполне сформировался и профессиональный педагогико-юридический язык, используемый учеными и специалистами, работающими в сфере юридической педагогики и педагогической юриспруденции.

В большинстве случаев педагогические конструкции используются в нормативных актах, регулирующих образовательные отношения. Однако обнаружившиеся увеличение юридических коллизий, пробелов в образовательном праве, несоответствие новых нормативных актов принципам права, реформаторских подходов условиям правовой действительности предъявляют особые требования к процессу юридического толкования педагогических конструкций. При этом следует учитывать ряд обстоятельств: во-первых, образовательные отношения являются наиболее распространенными и не минуют практически ни одного человека, проживающего в нашей стране; во-вторых, используемые законодателями педагогические конструкции не всегда однозначно определены в рамках доктринального подхода, что приводит к сложностям в их толковании как для себя, так и для других участников образовательных правоотношений. Для примера обратимся к недалекому прошлому.

Еще в середине и во второй половине XX столетия развернулась дискуссия по вопросу о соотношении понятий «правовое воспитание» и

«правовое обучение», которые довольно часто используются в нормативных актах образовательного права. А.И. Долгова рассматривала правовое просвещение, правовую пропаганду и правовое обучение как составные части процесса правового воспитания [2]. Г.П. Давыдов и В.М. Обухов считали, что правовое обучение как процесс формирования правовых знаний и умений имеет самостоятельное значение¹. По их мнению, правовое обучение может и должно создавать основу для решения задач правового воспитания – формирование правовых взглядов, правовых чувств, убеждений, установок и опыта как компонентов правосознания и правовой культуры².

В начале XXI столетия средством правового воспитания в научной литературе стало рассматриваться, в первую очередь, правовое обучение. Но с точки зрения содержательного аспекта воспитания правовое обучение – это форма правового воспитания. В этом смысле **правовое обучение** – это «способ внешнего выражения и организации передачи теоретического правового материала объекту воспитания»³. Такой подход позволяет утверждать, что это теоретико-познавательная деятельность, заключающаяся в передаче

¹ См.: Давыдов Г.П., Обухов В.М. Правовое воспитание в системе работы школы. М., 1976.

² См.: Давыдов Г.П. Основы правового воспитания учащихся общеобразовательной школы : автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1984; Задания для самостоятельной работы по курсу «Основы советского государства и права». Пособие для учителя // А.Ф. Никитин, В.М. Обухов, Я.В. Соколов и др. М., 1987.

³ См.: Приказ МО РФ от 9 марта 2004 г. «О введении в действие федерального компонента государственного образовательного стандарта» // Стандарты общего образования. М.: Дрофа, 2004.

специального объема знаний объектам воздействия, а также в формировании умений и навыков использования ими полученных знаний в реальной действительности, оценки права и его институтов. Целью правового обучения является формирование правового сознания и правовой культуры, обеспечение необходимого уровня систематизации знаний о праве, развитие правовых интересов, чувств, правового мышления, формирование научно-правового мировоззрения.

Для преодоления коллизий доктринального характера законодатель вводит комплекс дефинитивных норм в нормативный акт, который позволяет «договориться» изначально о понимании сущности педагогических конструкций. В качестве примера можно указать статью 2 Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2015) [16]. В ней закреплено, что «для целей Федерального закона применяются следующие основные понятия:

1) образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов;

2) воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства;

3) обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни;

4) уровень образования – завершённый цикл образования, характеризующийся определенной единой совокупностью требований;

9) образовательная программа – комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты), организационно-педагогических условий и в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, форм аттестации, который представлен в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, а также оценочных и методических материалов;

12) профессиональное образование – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволя-

ющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности;

13) профессиональное обучение – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенции, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий);

14) дополнительное образование – вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования;

15) обучающийся – физическое лицо, осваивающее образовательную программу;

16) обучающийся с ограниченными возможностями здоровья – физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий;

17) образовательная деятельность – деятельность по реализации образовательных программ» [16].

Дефинируя образование, законодатель указывает на широкий контекст его сути, важность формирования знаний и компетенций наряду с воспитанием личности. Положительным является тот факт, что знаниям, как базе для развития личности, оказывается уважение. Вместе с тем, анализ исполь-

зования педагогических конструкций в нормативных актах последних лет позволяет сделать вывод о некотором невнимании законодателя и, бесспорно, толкователя к процессу правового воспитания, призванному обеспечить высокий уровень правовой культуры населения, а в конечном итоге и качество правоприменительной, правотворческой и интерпретационной деятельности. Так, например, в ведущих федеральных законах, подзаконных актах, регулирующих образование, правовое образование не выделяется как самостоятельный вид педагогической деятельности.

Реализация Указа Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [15] потребовала более детального уяснения и разъяснения понимания таких конструкций, как технологии социальной работы, педагогические технологии. В этом нормативном правовом акте поставлена задача «обеспечения для всех детей безопасного и комфортного семейного окружения; формирования новой общественно-государственной системы воспитания детей, обеспечивающей их социализацию, высокий уровень гражданственности, патриотичности, толерантности, законопослушное поведение» [15]. Важно, чтобы в рамках воспитания, с учетом толкования указанных норм, достойное место было найдено и правовому воспитанию.

До сих пор не нашли своего нормативного закрепления и выдвинутые в ряде научных работ цели правовоспитательной деятельности: ближайшая – формирование правовой компетентности, прочной системы правовых знаний, промежуточная – формиро-

вание правовой убежденности, завершающая – формирование мотивов и привычек правомерного поведения¹. В данном случае под **правовой компетентностью** понимается возможность использовать эффективно правовые знания в процессе реализации права для достижения результата, предусмотренного нормой права. Эффективность правовой деятельности субъекта права в данном случае определяется результативностью в достижении целей.

В нормативных актах начала столетия правовое обучение по-прежнему нередко отождествлялось с правовым информированием, что нашло закрепление в нормативных правовых актах (например, школьникам предлагалось усвоить определенный объем информации на каждом этапе обучения). Действительно, обучение воздействует на когнитивно-рациональную сферу личности, но не может быть результативно вне эмоционально-волевой деятельности несовершеннолетнего. Недооценка этого приводит к потере структурообразующего элемента правового воспитания – направленности.

Кроме того, воспитание есть часть социальной технологии и может быть использовано по-разному – в зависимости от целей субъекта социального управления. Правовое воспитание призвано, с одной стороны, транслировать нормы правовой культуры, закрепляя при этом выработанные механизмы защиты прав и интересов личности. С другой стороны, оно передает воспитуемому желаемые для властвующего субъекта направления и нормы деятельности как необходимые.

¹Этот аспект проблемы прописан в ряде исследований на теоретическом уровне, без разработки механизма реализации. См.: [1, с. 26].

Чем сильнее расхождение последнего предназначения с первым, тем менее эффективной оказывается правоспитательная деятельность и тем более противоречивым, нестабильным оказывается ее результат – правовая культура личности и общества.

Правовое обучение и воспитание являются средством, способствующим эффективной реализации права: предполагается, что в процессе целенаправленного воздействия осуществляется познание и уяснение смысла прав и обязанностей, выработка отношения к ним и, наконец, их использование. При этом первая и вторая стадии являются внутренними процессами, протекающими в правовом сознании и психологии индивида. Это есть внутреннее реагирование духовного мира на воздействие правовой среды. Третья стадия – это внешнее проявление процессов, протекающих в правовом сознании личности.

По мере взросления у несовершеннолетнего возрастает объем знаний о праве, независимо от того, осуществляется ли это путем целенаправленной системы получения правовой информации, или складывается стихийно-эмпирическим путем [14]. Однако возрастной аспект определяет разные цели, уровни и формы получения правовой информации, как главной базы формирования правовой культуры и правового сознания общества. Эта особенность развития «школьной личности» должна учитываться правоустановителем, определяющим объем общеобязательной информации для школьников, разграничение непрофессиональных и профессиональных знаний.

На основании сказанного можно утверждать, что при использовании

в нормативных актах, регулирующих процесс образования личности, понятий «воспитание» и «формирование», необходимо учесть, что, хотя разница между этими понятиями относительна, их все же следует различать. Понятие **воспитание** прежде всего означает воздействие на личность субъективных факторов, то есть различных видов идейно-политической и культурно-просветительной деятельности. Понятие же **формирование** носит более широкий характер, так как помимо субъективного фактора включает в себя и объективный фактор, то есть целый комплекс социально-экономических и психолого-культурных механизмов воздействия на несовершеннолетнего – таких, как характер производственных отношений, общественного труда, социально-политической и культурной организации общества. К таковым мы относим и конкретные условия правовой образовательной среды, в которой обучается несовершеннолетний. Ведь она в разных регионах России неодинакова. Вследствие этого становятся понятными роль и значение правового воспитания как культурно-исторического способа становления, формирования и развития личности, реализуемого путем целенаправленного воздействия на сознание несовершеннолетнего. Речь идет о становлении и развитии личности школьников как социально-демографической группы и общества в целом в целях формирования необходимых качеств, превращения правовых требований в личные убеждения, в норму поведения, формирования правовой культуры и социально-правовой активности.

Сегодня отношения в сфере образования как отдельный род общественных отношений, возникающих по поводу обучения и воспитания, на наш взгляд, требуют усиления правового регулирования, что во многом предопределяется их содержанием. Образовательные отношения включают в себя взаимосвязи между субъектами, участвующими в процессе обучения и воспитания с целью достижения обучающимися установленных государством образовательных уровней, цензов. Особенности правового воздействия в образовательной сфере обусловлены, в первую очередь, «комплексностью» регулируемых общественных отношений и вследствие этого взаимосвязанностью с различными отраслями права – конституционным, гражданским, административным, трудовым, финансовым, бюджетным и др. В сфере образования сталкиваются одновременно частные и публичные интересы, что объясняет специфику правового регулирования. Сложность образовательных отношений требует особого внимания к ним правоустановителей¹.

Правовые отношения, возникающие в сфере образования, включают не только образовательные, но и воспитательные, педагогические и иные отношения. Объектом образовательных отношений выступают духовные блага не только в виде знаний, навыков и умений, но и социальных компетентностей, которые становятся достоянием в первую очередь несовершеннолетних, развивая их правовое сознание.

¹ В настоящее время наблюдается особая потребность в разработке юридических норм, оказывающих воздействие на сознание и поведение школьников.

Действующее законодательство устанавливает требования к обучаемым и педагогам как к субъектам образовательных отношений, но диспозитивность правового регулирования многих вопросов в сфере образования определяет некоторую свободу в выборе поведения. Особое значение в образовательных правоотношениях придается институту правоспособности обучаемого как элементу правосубъектности в целом.

В юридической литературе распространена точка зрения, в соответствии с которой **правосубъектность**, как способность лица быть субъектом правоотношений, включает три элемента: *правоспособность*, *дееспособность*, *деликтоспособность*¹. Применительно к образовательным отношениям такой подход не совсем приемлем. Школьник, вступая в образовательные отношения по достижению 6–7 лет, безусловно, может рассматриваться как субъект образовательных отношений, хотя в этом возрасте он не обладает деликтоспособностью и полной дееспособностью в общем понимании этих терминов в теории права. *Дееспособность образовательная* имеет некоторую специфику. Ее фактическая возможность определяется способностью субъекта становиться дееспособным в образовательных отношениях с самого раннего возраста (4–7 лет), то есть с момента начала занятий в дошкольных образовательных учреждениях. Это особенно актуально в условиях современного реформирования об-

разовательных отношений, предполагающих обязательную дошкольную подготовку субъекта. В современных условиях создается основательная обучающая среда для лиц дошкольного возраста в связи с реализацией требований нового Федерального государственного образовательного стандарта. Вот почему важно понять, что ребенок, еще не достигший возраста малолетнего, согласно гражданскому законодательству, уже может считаться субъектом образовательных отношений особого рода, испытывая на себе воздействие различных обучающих и воспитательных методик, в которых предполагается его активное участие. А это важно учитывать в процессе юридического толкования педагогических конструкций.

Кроме того, нам представляется правильной позиция, заключающаяся в том, что является неточной норма, предполагающая, что обучающиеся до 18 лет как субъекты образовательных отношений обладают ограниченной дееспособностью. Признание несовершеннолетних обучающихся субъектами, имеющими ограниченную дееспособность в образовательных отношениях, означало бы, что их недостающая правоспособность должна восполняться родителями или другими законными представителями, как это имеет место в гражданском праве. Однако непонятно, чем конкретно должна ограничиваться дееспособность обучающихся и каким образом ее могут восполнить родители (законные представители) обучающихся? Образовательные программы дошкольного и начального общего образования составлены таким образом, что их в состоянии освоить любой здо-

¹ В юридической литературе существуют и другие позиции на этот счет, но в данном исследовании для нас важно показать особенности правосубъектности лица, вступившего в образовательные правоотношения.

ровый ребенок. Не требуется, чтобы законные представители осваивали необходимые компетенции, заложенные в Федеральном государственном образовательном стандарте.

В образовательных отношениях обучающийся всегда самостоятельно, своими действиями реализует предоставленные ему права и исполняет свои обязанности. Кроме того, особенность правоспособности субъекта состоит в том, что ее прекращение надо связывать не со смертью, как это имеет место в отношении общей административной, гражданской и другой правоспособности, а с моментом возникновения определенных фактических обстоятельств, ведущих к частичной потере правоспособности, например, наступлением предельного возраста получения основного общего образования, прекращением трудовой деятельности (при повышении квалификации, обучении в вузе по заочной форме и т.д.).

В возрасте до 7 лет родители создают условия для реализации права несовершеннолетнего на образование. В связи с введением Федерального государственного стандарта дошкольного образования появляется необходимость реализовать все заложенные в нем требования как обязательные. Став школьником, субъект в рамках выбранной законными представителями организационной формы обучения своими силами, исходя из собственных способностей и соответствующих возрасту возможностей, участвует в процессе обучения и воспитания. Его дееспособность в образовательных правоотношениях ограничена, так как реализуется в рамках обязательности получения образования. Это, во-

первых, означает, что обучающийся не может, с юридической точки зрения, «самостоятельно», то есть без согласия законных представителей, и «правомерно», то есть, не нарушая обязательства получать общее образование, прекратить обучение. Во-вторых, самостоятельность ограничена вышеупомянутыми правами и обязанностями родителей. Есть точка зрения о том, что полная дееспособность, которая характеризуется не только способностью своими действиями реализовывать свое право на образование, но и создавать по своему усмотрению своими действиями новые права и обязанности, наступает в области образования ранее наступления совершеннолетия, а именно с 14–15 лет [4]. Это положение обосновывается тем, что современное законодательство предоставляет 14–15-летним подросткам, получившим основное общее образование, возможность самостоятельно решать вопрос о выборе образовательного учреждения, формы получения дальнейшего образования или о прекращении обучения.

Анализируя правовой статус участников образовательного процесса, нельзя не отметить особое значение для его установления наличия гарантий права на образование. Фактически принято считать, что конституционные права человека предполагают обязанность государства своими действиями обеспечивать создание необходимых предпосылок для полной и всесторонней реализации гражданами этих прав. Соответственно, и праву на образование, как конституционному праву, а также как элементу правового статуса гражданина, корреспондируют обязанности государства по созданию

условий, гарантирующих реализацию этого права. Правовой статус несовершеннолетнего в области образования, рассматриваемый изолированно, вне связи с обеспечением государством, без реальных гарантий, может остаться формальным лозунгом.

Соединение в лице педагогического работника, а также органа управления образовательной организацией обязанной и одновременно обладающей властными полномочиями стороны образовательного правоотношения составляет его характерную особенность¹. Указанные выше черты образовательных правоотношений определяются особенностями правового положения обучающихся как их субъектов.

Составляющей частью правового статуса несовершеннолетних является право на поступление в общеобразовательное учреждение, которое в настоящее время затрудняется в отдельных случаях многочисленными препятствиями со стороны некоторых образовательных организаций, «отбирающих» для обучения контингент детей. На наш взгляд, установление на уровне локальных актов, распоряжений органов управления на местах подобных ограничений по приему школьников в образовательную организацию не только противоречит федеральному законодательству, но и нарушает конституционную норму (в частности, ст. 43 Конституции РФ о праве каждого на образование). Очевидно, что государственные гарантии обеспечения получения образования детьми, закрепленные в федеральном

законе «Об образовании в Российской Федерации», должны быть распространены и на лиц школьного возраста, не являющихся гражданами, но проживающих в России.

В настоящее время требуется закрепление на уровне законов субъектов Федерации прав школьников на конкретные дополнительные льготы, виды и нормы материального обеспечения, на обжалование результатов и процедуры государственной аттестации, на продолжение образования в зависимости от профильной подготовки, на возмещение ущерба, причиненного некачественным образованием. Необходимо развить и конкретизировать права школьника и родителей на участие в управлении образовательной организацией, что позволит реализовать принцип государственно-общественного (демократического) характера управления образованием.

Важнейшим компонентом правового статуса школьников в области образования являются не только их права, но и юридические обязанности. Определенность и четкость перечня обязанностей в образовательном законодательстве являются важнейшим условием их реализации.

В настоящее время права и обязанности субъектов образовательных отношений конкретизируются в большинстве своем подзаконными актами, в том числе локальными актами образовательных организаций. Среди общих обязанностей выделяют учебные и дисциплинарные обязанности. К учебным относятся обязанности освоения соответствующих образовательных программ, добросовестного выполнения всех видов работ, предусмотренных всеми учебными планами и

¹ См.: Основные положения Концепции Кодекса Российской Федерации об образовании (Общая часть) / Под общ. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Кудрявцева. М., 2001.

программами. Учитывая, что социально-правовая активность является основой формирования правосознания, в юридическом закреплении нуждаются требования к школе формировать социально-правовую активность учащихся, способность овладения навыками самообразования. Общие дисциплинарные обязанности обучающихся нуждаются в уточнении. Большинство требований к поведению школьников, в том числе выполнять определенные задания по учебным предметам, вправе устанавливать сама образовательная организация.

Осуществляя разъяснение педагогических конструкций, толкователь должен учитывать, что образование не может исключать воспитательный процесс, но и не должно сводиться к нему. При толковании необходимо учитывать общепризнанные доктринальные воззрения ученых, сложившиеся в юридической педагогике (т.н. *communis opinio doctorum*). Очевидно, необходимо развитие аутентичного толкования, предполагающего более четкое разъяснение употребляемых педагогических конструкций. Результат толкования должен быть точным, ясным, непротиворечивым. Он должен быть понятен любому человеку, даже не обладающему специальными педагогическими знаниями: родителям, например. В отдельных случаях при толковании должно быть установлено, какими целями руководствовался законодатель, создавая толкуемую норму права. Кроме того, при толковании педагогических конструкций важно помнить о существовании важных юридических принципов, сложившихся в доктрине и – прямо или косвенно – закрепленных в законода-

тельстве (*Lex specialis derogat generali, Lex superior derogat legi inferiori, Lex posterior derogat legi priori* и др.).

В настоящее время в России отсутствует специальный закон, который бы регулировал процесс толкования права, в том числе указывал на значимость толкования педагогических конструкций. Подобные законы действуют в ряде государств. Достаточно вспомнить *Interpretation Act 1975 г.*, который был принят Канаде. Вместе с тем в России отдельные нормы о толковании права содержатся в Конституции Российской Федерации (ст.15, 16, ч. 5 ст. 125), Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 431, 1187, 1191), Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде РФ», иных законодательных актах. Активизировано в этом смысле и региональное законодательство. В Санкт-Петербурге действует специальный городской закон от 2 октября 2003 г. N 522-77 «Об официальном толковании законов Санкт-Петербурга». Аналогичные законы приняты и в ряде других субъектов Российской Федерации. В настоящее время требует своего совершенствования важная работа по созданию и закреплению в образовательных нормативных актах норм – дефиниций, разъясняющих значения педагогических терминов, использующихся в тексте того или иного закона. При этом не следует забывать о важности воспитательной функции права, которая предполагает не просто воздействие на личность, но и изменения, направленные на ее преобразование.

Все вышеуказанное позволяет заключить, что официальное толкование педагогических терминов следует рассматривать как особую правопедаго-

гическую деятельность, осуществлять которую должны специально подготовленные профессионалы, обладающие юридической и педагогической компетентностями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Головченко В.В. Эффективность правового воспитания. Понятие, методика, критерии измерения. Киев, 1985.
2. Долгова А.И. Правовое воспитание молодежи как средство борьбы с преступностью // Правосознание и правовое воспитание молодежи. Сборник научных трудов. М., 1977. С. 31–36.
3. Кравченко А.И., Певцова Е.А. Правосознание: в 2 ч. М.: Русское Слово, 2008.
4. Куров С.В. Образование и гражданское право. М., 2004.
5. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960.
6. Певцова Е.А. Реализация доктрины правового образования учащихся общеобразовательных учреждений в современной России: дис. ... докт. пед. наук / Институт общего образования. М., 2004.
7. Певцова Е.А. Юридическое образование: формирование правовой культуры общества // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2012. № 5. С. 119–122.
8. Певцова Е.А., Важенин А.Г. Теория государства и права: учеб. пособие для студентов сред. спец. учеб. заведений; под общ. ред. проф. Е.А. Певцовой. Ростов-на-Дону, 2005.
9. Певцова Е.А. Проблемы формирования правового сознания учащейся молодежи (теоретико-правовые аспекты): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006.
10. Певцова Е.А. и др. Правовые и социальные проблемы российской молодежи / Певцова Е.А., Чупров В.И., Зубок Ю.А. // Право и образование. 2008. № 10. С. 90–109.
11. Певцова Е.А. Эффективность правового регулирования в сфере образования: вопросы теории и практики // Право и образование. 2012. № 2. С. 4–17.
12. Певцова Е.А. Роль молодежи в современном правовом обществе // Гражданин и право. 2009. № 1. С. 31–46.
13. Певцова Е.А. Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи: монография / Певцова Е.А.; Акад. правовой культуры детей и молодежи, Автономная некоммерческая орг. высш. проф. образования Центросоюза Российской Федерации «Российский ун-т кооперации». М., 2012.
14. Тагиев А.С. Социальные функции юридического всеобуча: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.
15. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2012).
16. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2015) [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2012).
17. Pevtsova E. Conception and New Ways of Protecting the Rights of Children and Young People: Theory, History and the Present [Электронный ресурс] // Reviewer Acknowledgements for Review of European Studies. Vol. 7. No. 5. P. 274–284. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/res/issue/view/1297> (дата обращения: 08.09.2015).
18. Zoltán Végh: Pomponius B. 4. // In: Der Kleine Pauly. Band 4. 1972. Sp. 1039.